

**Мифологическая основа «Записок из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского и
«Колымских рассказов» В.Т. Шаламова**
Портнов Георгий Олегович

Аспирант Самарского государственного университета, Самара, Россия

Как известно, многие литературные произведения связаны с мифом. Эта связь может осуществляться непосредственно, через ментальный комплекс, то есть архетипы. Из архетипов конструируются все формы творческой деятельности человека, начиная с мифа и заканчивая литературным произведением. Миф – это специфическая картина мира, складывающаяся на основе архетипов в народном сознании в течение тысячелетий и сохраняющая ценность в наши дни. Посредством архетипов, содержащихся в нем, миф может проецироваться на сюжет литературного произведения, порождая универсальную художественную модель. В случае обращения авторов к мифу можно говорить о мифопоэтической модели, функционирующей в сюжете произведений разных эпох и литературных направлений.

В частности, такая модель содержится у писателей, обращающихся к проблеме тюрьмы (острога, лагеря) – у Ф.М. Достоевского в «Записках из Мертвого дома» и В.Т. Шаламова в «Колымских рассказах». Она проявляется в структурно-семантической связи тюремного заключения с обрядом инициации и мифом о загробном царстве.

Отмеченная выше мифологическая основа двух произведений о тюрьме неслучайна. Дело в том, что уже у Достоевского тюрьма (в данном случае – каторга) воспринимается как насильственная процедура исправления человека. Регулярно повторяемая, она становится похожей на ритуал, проводимый царским режимом во имя «спасения» общества от «вредных» для него лиц. При таком отношении отправление человека на долговременную каторгу, а затем его возврат считается естественной процедурой «обновления» социума, происходящей по воле царя-«шамана».

Наблюдается ряд внешних совпадений между тюремным заключением и древним обрядом. Во-первых, человек проходит тюремное заключение, как и инициацию, в переломный период своей жизни, но не в момент наступления зрелости, а тогда, когда его поступок грозит целостности общества. Преступник формально исключается из мира живых: лишается своих гражданских прав, изменяется его внешний облик (он облачается в тюремную одежду, его голова выбривается, на него надеваются кандалы). Далее арестант изолируется от своего привычного круга и помещается в чужую для него среду. В новой обстановке он следует определенным правилам (строгий распорядок дня, изнурительная работа, пищевое и половое воздержание).

Во-вторых, как и в процессе посвящения, заключенные в остроге и лагере проходят три ступени обряда (ритуальная смерть, причастие и возрождение-преображение) с характерными для каждой из них испытаниями. На первой ступени человек подвергается временной слепоте, запрету на речь, телесным истязаниям (у Шаламова еще и самоистязанию), испытанию безумием, трудом. На второй ступени человек причащается к миру тюрьмы через активное (поглощение заключенным специальной пищи) и пассивное (моральное и физическое уничтожение самого заключенного) поедание. На третьей ступени человек в лагере и остроге перерождается нравственно и приобретает «новую душу». На этом сходство тюремного заключения и обряда инициации заканчивается. Все ступени древнего посвящения в сюжете «Записок из Мертвого дома» и «Колымских рассказов» приобретают отрицательное значение. В данном случае мы имеем дело с литературным явлением, которое В.Я. Пропп назвал «обращением обряда»: сохранением «всех форм обряда с придачей ему» «противоположного смысла или значения» [Пропп: 11]. Если инициация в древности обозначала выход человека в сферу высшей жизни, то у обоих писателей современный институт тюремного заключения создан для подавления человека в одном случае – царским, в другом – тоталитарным режимом.

Близость тюремного заключения и обряда инициации объясняет использование обоими писателями мифа о загробном царстве (аде). Обязательной составляющей древнего обряда было воспроизведение в процессе его сюжета мифа о загробном мире. Считалось, что посвящаемый умирает на время ритуала для мира людей и попадает в параллельный мир. И Достоевский, и Шаламов «следуют» в изображении острога и лагеря сюжета мифа о загробном царстве.

В «Записках из Мертвого дома» и «Колымских рассказах» место тюремного заключения «построено» по мифологической модели «иноного» мира, включающей внешнюю и внутреннюю пространственную модель, а также социальную иерархию иноного мира. Внешняя пространственная модель предполагала географическое расположение и характеристику внешнего вида подземного царства. У Достоевского в нее входит положение острога на Севере, на краю мира в виде селения с высокой оградой и единственным входом – грозными воротами. У Шаламова это положение лагеря на Севере, уподобление Колымы целому миру (микрокосму), использование емких образов «лагеря-острова», «страны Колымы», «планеты Колымы». Внутренняя пространственная модель предполагала изображение географических объектов внутри загробного царства, их название и описание. У Достоевского это казармы, кухня, баня, столовая; у Шаламова – угольные шахты, золотые прииски, места для витаминных командировок и пр. места лагеря. Социальная иерархия включала изображение стражников, хозяев мира и душ умерших, их взаимоотношения. У Достоевского и Шаламова аналогом первых выступают каторжники и лагерники, а вторых — палачи, конвойные и надзиратели. Отталкиваясь от универсальных черт загробного мира, оба писателя (Достоевский – бессознательно; Шаламов – сознательно) создают образ тюремного ада как места нечеловеческих мучений.

При этом изображаемые обоими авторами страдания не связаны с какой-либо высокой идеей. Ситуация ада опрокидывается на землю и представляет собой уже не божий суд над грешниками, а государственный суд над невинными людьми, которые «были мучениками, а не героями».

Литература

Пронн В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2002.